

Джулия Ила

Две половинки
одной души

Джулия Ила

Две половинки одной души

<https://litres.ru/74603582>

SelfPub; 2026

Аннотация

Двадцать лет она была никем.

Серой мышью в юбке-карандаш, куклой в руках отца, который контролировал каждый вздох. Ни телефона, ни джинсов, ни права на собственное мнение — только ламинированные списки правил и холодная улыбка человека, называющего себя отцом.

А потом была ночь, когда семеро избили её за конюшнями. Записка, которую читали вслух перед всей компанией. Ведро помоев — и хохот тех, кого она называла друзьями.

И был сон.

Скала, обрыв, золотая тропинка сквозь лес — и двойник с её же лицом, шепчущий: «Мы с тобой — одно целое». Тёмная половина, которая наконец проснулась.

Лиза Терентьева сбежала из отцовского дома. Нашла деда, о существовании которого не подозревала, — влиятельного, богатого, беспощадного к тем, кто причиняет боль его семье. Научилась бить первой. Пересела с электрички на чёрный мотоцикл. Сняла блузку с жабо — и надела кожаную косуху.

Но внешность — это только броня.

Внутри — холодный, безупречный план.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	29
Глава 4	49
Глава 5	55
Глава 6	67
Глава 7	75
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Две половинки одной души

Глава 1

Летая в облаках, пропустишь жизнь. Так мне всегда говорила мама. Я с детства была не такой, как все. Бегала по полям и лугам, измазанная грязью, вместо того чтобы усердно учиться манерам, этикету и прочей ерунде, которую должна знать истинная «леди». Только вот леди я не была, да и жили мы не в Лондоне XVIII века, а в элитном пригороде одной из областной столицы.

Наш дом был огромным — как мне тогда казалось, словно замок. Двухэтажный, с тёмной черепицей и стенами из кирпича шоколадного и молочного оттенков. Большие окна щедро впускали свет в комнаты, и солнечные зайчики плясали по паркету так весело, что даже строгая мама порой невольно улыбалась.

Гостиная, совмещённая со столовой, имела панорамное окно с дверью, которая вела на террасу, а оттуда — в сад. Сад благоухал жасмином и розами, а дальше, за кованой оградой, начинался пологий спуск к пруду, в котором летом плавали утки. Я любила кидать им хлебные крошки и наблюдать, как они суетливо толкаются, выхватывая кусочки друг у друга. Это было единственное развлечение, которое мне не запрещали.

Я любила этот дом, но не любила людей, которые в нём жили.

Я — единственный ребёнок у моих родителей. Мама чуть не умерла, рожая меня, и после родов ей сказали, что детей у неё больше не будет. Отец очень хотел наследника, но этой мечте не суждено было сбыться. Поэтому он решил: раз родного сына, который продолжит его рекламный бизнес, не будет, то он сможет удачно выдать меня замуж за сына какого-нибудь именитого человека, и тот подхватит семейное дело.

Однако для этого из непутёвой дочери нужно было сделать образец леди XVIII века — послушную, кроткую, с изысканными манерами и безупречным вкусом.

Каждый день я только и слышала: «Лиза, не бегай. Лиза, не прыгай. Лиза, леди себя так не ведут».

Вместо прогулок с девчонками из соседних домов я занималась скучными уроками. Вместо праздников учила языки, а вместо парков и каруселей училась рисовать, играть на фортепиано и петь. Моё детство было позолоченной клеткой: красивой снаружи и удушающей изнутри.

К двадцати годам у меня не было настоящих друзей — только верный друг Владик. И то общались мы тайно, чтобы родители не узнали. Иначе в очередной раз прочитали бы мне нотацию о том, что порядочным девушкам моего возраста не положено общаться с юношами. Это, видите ли, может запятнать их честь.

Смешно. В двадцать первом веке слово «честь» давно уже превратилось в пустой звук, а все эти замашки викторианских лордов выглядят нелепо. Однако моему отцу этого не объяснишь.

Мама — бледная тень, которая боится слово поперёк мужу сказать. Она его боготворит, а он помыкает ею, теща своёго. Иногда, глядя на неё, я думала: неужели это и есть та самая любовь, о которой пишут в книгах? Если да, то я предпочла бы остаться одна до конца своих дней.

Собираясь сегодня в университет, я пребывала в приподнятом настроении. На дворе стояла тёплая весенняя погода, а это значило, что наконец-то можно было убрать тяжёлые, неказистые пуховики подальше в шкаф.

Как же я люблю весну.

Университетские коридоры весной словно оживали, пропитываясь ароматом цветущей сирени, что росла прямо под окнами, и запахом свежей зелени. Стены, покрытые мягким пастельным оттенком, отражали солнечные лучи, создавая игру теней и света. Потолки украшали изящные лепные узоры, подчёркивая элегантность старинной архитектуры.

По утрам коридоры наполнялись шелестом шагов студентов, спешащих на занятия. Шёпот и тихие разговоры создавали особую атмосферу ожидания чего-то важного. Иногда можно было услышать звук скрипки или контрабаса, доносящийся из музыкального класса, или смех компании дру-

зей, собравшихся на перемене.

Окна были распахнуты настежь, впуская свежий воздух и позволяя солнечным лучам проникнуть внутрь. Виднелись ветви деревьев, украшенных первыми почками и нежно-зелёными листьями. Ветви покачивались на ветру, будто приглашая заглянуть наружу и насладиться красотой пробуждающейся природы.

Студенты сидели на скамейках вдоль стен, погружённые в учебники и конспекты, иногда отвлекаясь на разговор или улыбаясь проходящему мимо знакомому. Здесь царила особая атмосфера молодости и вдохновения. Каждый уголок казался частью большой истории, полной тайн и открытий.

Я стояла у подоконника, рассеянно наблюдая за танцем пылинок в солнечном луче, когда за спиной раздался голос:

— Давно ждёшь? — прозвучал неожиданно ласковый голос.

Я вздрогнула и едва не выронила свой старенький кнопочный телефон Sony Ericsson.

— Владик, пожалуйста, не делай так в следующий раз! Я чуть не отдала богу душу, — пожурила я друга, прикладывая руку поверх белой старомодной блузки в стиле семидесятых к бешено колотящемуся сердцу.

— Богу душу чуть не отдала! — передразнил меня друг, сооротив смешную рожицу. — Извини, не хотел! Думал, ты меня видишь.

— Я задумалась и не заметила тебя, — честно призналась

я.

— В последнее время ты какая-то рассеянная. Постоянно летаешь в облаках, — пожурил меня друг, и в его серых глазах мелькнуло что-то вроде беспокойства.

С Владиком мы познакомились случайно. На первом курсе я врезалась в него на полном ходу, когда искала нужную аудиторию. Тетради разлетелись веером по кафельному полу, а я от смущения готова была провалиться сквозь землю. Он молча присел, собрал мои записи, протянул их мне с лёгкой усмешкой и, не говоря ни слова, повёл к нужной аудитории. А потом предложил выпить кофе.

Не знаю, почему я тогда согласилась. Может, чувствовала свою вину. А может, меня обезоружили его большие серые глаза — такие тёплые и добрые, что отказать было невозможно.

В тот день мы просидели в кофейне часа три, болтая обо всём и ни о чём.

Влад был старше меня на год и так же, как и я, изучал юриспруденцию. Мечтал стать адвокатом, причём не корпоративным, а тем, кто защищает «маленьких людей» — так он сам говорил, и в этот момент его глаза загорались особым огнём.

Парень был выше меня на полголовы, при том, что и я была далеко не низкой. Всегда стильно одет — не вычурно, а со вкусом: тёмные джинсы, свитер крупной вязки, кожаная куртка. Его тёмные волосы были коротко и модно стрижены,

а лёгкая небрежность в причёске лишь добавляла ему шарма.

У нас оказалось много общего — от музыкальных вкусов до взглядов на жизнь.

Поначалу я даже подумала, что, возможно, он — моя судьба. Но со временем поняла, что он относится ко мне как к сестре. Сначала это задевало. Влад — парень красивый, ну, по моим меркам. Хотя, чего греха таить, и не только по моим тоже — вон сколько девушек за ним бегают. А ещё он умный и добрый. Теперь я просто счастлива, что у меня есть по-настоящему родной человек. По крайней мере, была счастлива до сегодняшнего дня.

— Не знаю, по-моему, я всегда такая, — пожала я плечами.

— Да не скажи. Обычно ты хотя бы людей замечаешь, — пошутил он, потянув меня к выходу из университета.

У дверей он остановился и окинул меня критическим взглядом.

— Застегнись! — строго произнёс мой друг, указывая на расстёгнутое серое пальто. — И шапку надень. На улице ещё не настолько тепло, чтобы в одной блузке бегать.

— Есть, сэр! — шуточно отдала я честь Владу.

— Кулёма! — рассмеялся он, и его смех, как всегда, оказался заразительным.

Мы вышли на улицу, направляясь в наш любимый парк. Шутя и смеясь, брели по аллее. Апрельское солнце пригре-

вало щёки, и от каждого порыва ветра пахло талым снегом и чем-то неуловимо новым — обещанием перемен.

— Так, о чём ты хотела поговорить? — поинтересовался Влад, когда мы свернули на тенистую дорожку. — Ты меня вчера прямо заинтриговала своим сообщением!

Я немного замялась, не зная, как задать интересующий меня вопрос. Пальцы нервно теребили пуговицу пальто.

— Я не то чтобы хотела поговорить... скорее спросить, — нерешительно произнесла я, чувствуя, как жар заливает щёки, шею и даже кончики ушей. Я понимала, что мой вопрос прозвучит странно. Такие вещи с друзьями не обсуждают, и всё же спросить мне было больше не у кого.

— Так... И о чём же ты хотела спросить?

Набравшись смелости, я всё же решилась. Остановилась, глубоко вдохнула весенний воздух и выпалила:

— Владь, скажи, а я красивая? — спросила я, закусывая нижнюю губу.

Влад на мгновение замер, а после произнёс тоном мудреца:

— Каждый человек красив по-своему.

— Нет, ты не понял. Я не про то спрашиваю, — нервничая, я стала заламывать пальцы. — Я имею в виду... как девушка. Я красивая?

— Ну да, — он слегка нахмурился. — А почему ты спрашиваешь?

Вот оно. Момент истины. Я почувствовала, как сердце

подскочило к горлу.

— Как думаешь, со мной можно встречаться и заниматься... ну, этим... — я запнулась и, собрав остатки храбрости, еле слышно пропищала: — ...сексом?

Влад, явно не ожидавший подобного поворота, закашлялся. Остановился, словно налетел на стену, и серьёзно посмотрел на меня. Его серые глаза потемнели.

— Кому?

— Кому-нибудь! — ляпнула я первое, что пришло в голову, и тут же пожалела об этом.

— Лиз, что происходит? Зачем ты задаёшь мне такие вопросы? Если ты подумала, что мы с тобой... — парень явно не знал, как закончить предложение.

— Нет, нет, что ты! И в мыслях подобного не было! — поспешила я его успокоить. — Просто...

Владик шагнул ко мне и схватил за плечи. Его пальцы сжались чуть крепче, чем следовало, — я почувствовала их силу даже сквозь пальто.

— Что «просто»? — повысил он голос, вглядываясь мне в глаза.

— Просто... я, кажется, влюбилась, — не в силах выдержать его пронзительный взгляд, я опустила глаза.

После моих слов хватка на плечах стала ещё сильнее, принося ощутимый дискомфорт. Я видела, как побелели его костяшки.

— В кого? — не унимался он. Голос стал ниже и глуше.

— В моей группе есть парень. Его зовут Коля. Николай Танаев. Так получилось, что мы в последнее время часто общаемся, и он мне очень нравится, — выдохнула я одним потоком, словно боялась, что храбрость закончится на полуслове.

— Танаев?! — Влад словно подавился этим именем. — Этот кретин? Да у него всего одна извилина, и та прямая!

— Не говори так, пожалуйста. Он, конечно, не гений, но достаточно умён.

— Ага, достаточно умён, чтобы лезть каждой девке под юбку, — всё сильнее раздражался мой друг. Его голос звенел от едва сдерживаемой злости. — Тупой качок, зацикленный на своей внешности.

Мне не нравилось, как Влад себя вёл, что говорил. Он совершенно не знал Николая, чтобы делать такие выводы. Мне стало обидно — горько и больно, как бывает, когда предают не враги, а свои. Я решительно подняла взгляд к его серым глазам, полным злости.

— Не говори так. Ты его совсем не знаешь. Он хороший, — твёрдо произнесла я. — И отпусти меня. Ты делаешь мне больно.

Влад медленно разжал пальцы и опустил руки, засунув их в карманы чёрных джоггеров. Мышца на его скуле дёрнулась.

— Может, и не знаю. Ты права. Но таких людей я знаю очень хорошо.

— Каких «таких»?

— Таких, у которых сегодня одна, завтра другая, а послезавтра третья.

Что-то щёлкнуло у меня внутри — словно сорвался предохранитель.

— Ну конечно! Ты не понаслышке знаешь о таких людях — ведь и сам такой же! Сегодня одна, завтра другая. Тебя тоже можно осудить за это, но я не берусь судить твою личную жизнь! — выпалила я таким ледяным тоном, что у самой пошёл озноб по спине.

Влад отшатнулся, будто я его ударила. Но лишь на секунду — потом его лицо снова ожесточилось.

— Глупая. Он пережует тебя и выплюнет. Такие девочки, как ты, не для него, — процедил он сквозь зубы.

— Такие, как я? — ошарашенно переспросила я.

— Милые и наивные. Он возьмёт, что хотел, и выбросит тебя на произвол судьбы. Поверь мне.

— Я не наивная! И сама могу принимать решения! — выпалила я, чувствуя, как к горлу подступают предательские слёзы. Я сглотнула их. Не здесь. Не перед ним. — И я хочу быть с ним! Нравится тебе это или нет!

— Дура! Потом сама слёзы лить будешь.

— Даже если буду — это тебя уже касаться не будет! — ткнула я пальцем ему в грудь. В грудь человека, который, судя по всему, только что перестал быть моим другом.

Влад наклонился ко мне, и я увидела в его глазах что-то,

чего раньше не замечала. Не просто злость — что-то глубже, темнее, отчаяннее. Но распознать это чувство я не успела: его голос хлестнул, как мокрая верёвка.

— Думаешь, это любовь? Думаешь, будет долго и счастливо? А вот хрен. Посмотри на себя — ты серая мышь! Лицо и фигурка ещё ничего, сойдёт, а шмотки твои бабкины весь вид портят. У него получше девки найдутся, — ядовито зашипел он, возвышаясь надо мной.

Каждое слово впивалось в меня, как осколок стекла — прямо в сердце. Глаза обожгло, и мир расплылся. Не в силах больше слушать, я развернулась и бросилась прочь из парка. Правда, сделать это было непросто в узкой юбке-карандаше и лодочках на шпильках — каблуки вязли в размякшей от весенней влаги дорожке, и я скорее ковыляла, чем бежала. Поэтому чётко услышала фразу, брошенную мне в спину:

— Предохраняться не забудь, а то обрюхатит тебя Казанова! На хрен ты никому не будешь нужна такая!

Я не обернулась. Просто ускорила шаг, чувствуя, как первая слеза всё-таки скатилась по щеке. Горячая и солёная, она прожгла дорожку на коже, и я яростно смахнула её ладонью. Плакать из-за его слов? Ни за что.

Но где-то глубоко внутри уже свербела мысль: а что, если он прав?

Глава 2

После ссоры с Владом прошло две недели. Я демонстративно проходила мимо него, не здороваясь, да и он не горел желанием со мной разговаривать. Мне было больно и обидно от его слов, хотя доля правды в них была. Я и правда выглядела неказисто в своих нарядах прошлого столетия. Однако у меня не было другого выбора. Папа бы ни за что не разрешил мне носить джинсы, свитера и топы.

В моей комнате, на дверце белого шкафа-купе, был приклеен список разрешённой одежды. Аккуратный, напечатанный на принтере, заламинированный — словно должностная инструкция в офисе. В него входили: блузки белого либо кремового цвета, юбки-карандаши длиной ниже колен, туфли-лодочки. Неважно, куда я собиралась — в столовую поесть, в библиотеку за книгами или в университет. Фасон всегда один и тот же. При этом дома я должна была быть в одном наряде, в университете — в другом, в магазине — в третьем. Ну, вы поняли. Этих дурацких юбок и блузок у меня было столько, что шкаф еле закрывался. Целая армия одинаковых «леди» на вешалках — только без голов и без права голоса, совсем как я.

Спала я в длинной ночной рубашке с длинным рукавом, доходившей до самых пят. Летом в ней было невыносимо

жарко, зимой — всё равно холодно. Но менять что-либо в этом ритуале не позволялось.

О нижнем белье лучше вообще не рассказывать. Такого ужаса свет не видывал. Бесформенные хлопковые бюстгалтеры телесного цвета и трусы, которые мама деликатно называла «панталончиками». Мне было двадцать лет, а моё бельё годилось разве что для музея советского быта.

Я много раз просила маму купить мне что-нибудь красивое, современное. Джинсы, топы, худи. Но мама всегда пресекала такие разговоры.

«Ты должна быть истинной леди, а леди в джинсах не ходят!» — отвечала она тем механическим тоном, каким повторяют заученную молитву. Я давно перестала верить, что это её собственные слова. Это были папины слова — просто произнесённые её губами.

Лет в семнадцать я решила, что втайне от родителей куплю себе нормальную одежду. Несколько месяцев я экономила деньги, которые мне давали на обеды и личные расходы: вместо полноценного ланча покупала самый дешёвый чай и булочку, разницу прятала в старую книгу «Джейн Эйр» — между страницами, где героиня бежит из Торнфилда. Символично, не правда ли?

Когда накопилась нужная сумма, я купила красивый спортивный костюм — худи и штаны с резинкой на манжетах, ярко-зелёного, почти кислотного цвета, и пару белых кроссовок. Стоя в примерочной торгового центра, я смотрела на

своё отражение и не узнавала себя. Из зеркала на меня глядела обычная девчонка — яркая, современная, живая. Не фарфоровая кукла с чужой полки, а настоящая. Я чуть не расплакалась прямо там.

Я была так счастлива. Дома надевала свою «униформу леди», а в школьном туалете после уроков переодевалась в своё зелёное чудо и гуляла. Парки, скверы, набережная — всё было изучено мной в том ярком костюме. Я чувствовала себя другим человеком. Свободным. Потом заходила в торговый центр, закрывалась в кабинке туалета и меняла наряды местами. Превращалась обратно в серую мышь.

Как родители узнали о моём зелёном счастье, я не знаю до сих пор. Может, кто-то из соседей увидел и донёс. Может, мама нашла, убирая в комнате. А может, у отца было чутьё на любое проявление моей свободы — словно радар, настроенный на частоту непослушания.

Выйдя однажды из ванной, в своей комнате я обнаружила папу. Он сидел на краю моей кровати — спокойный, собранный, как хирург перед операцией. В одной руке он держал мою худи, в другой — большие портновские ножницы.

Увидев меня, он улыбнулся. Не зло, не яростно — почти ласково. И эта ласковость была страшнее любого крика. А потом методично, не спеша, стал резать ткань. Полоска за полоской. Лоскут за лоскутом. Он не кричал, не орал. Просто монотонно кромсал мою худи — и моё сердце вместе с ней, — не переставая дерзко улыбаться. Ножницы хрустели

так громко в тишине комнаты, что этот звук до сих пор иногда снится мне по ночам.

Когда он закончил, аккуратно смахнул зелёные лоскуты с покрывала на пол, поднялся, одёрнул пиджак и вышел, не сказав ни слова. Кроссовки я больше тоже не видела.

Часто мне кажется, что этот человек испытывает удовольствие, причиняя мне боль. Что унижение — для него не побочный эффект воспитания, а его цель. Он наслаждается властью над нами — надо мной и над мамой. Не удивлюсь, если он её ещё и бьёт. Я никогда не видела синяков, но мама носит одежду с длинными рукавами даже в тридцатиградусную жару.

Я знала, что бороться бесполезно. Давно усвоила: все решения принимает отец, а мама — просто тень. Предмет интерьера, который можно переставить куда угодно, которому можно сказать что угодно. Красивая ваза на каминной полке — хрупкая и декоративная.

Когда я была маленькой, пыталась жаловаться маме, просить защиты. Теперь — нет. Смысла в этом не вижу. Она всё равно сделает так, как скажет отец. Бунтовать тоже бессмысленно. Я зависела от родителей материально, и если бы пошла против отца, он бы просто вышвырнул меня из дома. А идти мне некуда.

Конечно, у меня есть ещё родственники — бабушка по папиной линии. Не самая приятная женщина, если верить отцу. Впрочем, его словам я давно научилась не доверять.

Она забеременела папой в шестнадцать лет, а родила в семнадцать. Кто отец ребёнка — не знала. Вела, мягко говоря, свободный образ жизни: пила, употребляла наркотики, меняла мужчин, как перчатки.

Папа рано понял, что помощи ждать неоткуда, а жить в нищете он не хотел. Всего добился сам — открыл маленькую фирму с другом, долго и упорно трудился, и теперь он глава крупного рекламного медиахолдинга. Историю своего восхождения он рассказывал при каждом удобном случае — на деловых ужинах, на семейных обедах, даже, кажется, во сне. Это было его оружие: смотрите, каким я был и каким стал. Я сделал себя сам. И вас всех тоже сделаю — по своему образу и подобию.

Внешне я — точная копия бабушки. Среднего роста, с копной рыжих, непослушных волос и россыпью веснушек на лице. С большими зелёными глазами, в которых, по словам отца, «так же мало ума, как и у той женщины». Со стройной фигурой — хотя под моими мешковатыми блузками и юбками этого было не разглядеть. Возможно, именно поэтому папа меня недолюбливает. Каждый раз, глядя на меня, он видит не дочь, а её — женщину, которую презирает. И лепит из меня полную противоположность ей, словно пытаюсь стереть генетический код ластиком.

Сейчас бабушка находится в психиатрической лечебнице. Не знаю, виноват в этом её разрушительный образ жизни или папа постарался — устроил принудительную госпи-

тализацию, чтобы убрать неудобного человека с глаз долой. Иногда мне хотелось навестить её, посмотреть в глаза женщине, чьё лицо я ношу как маску. Но отец запретил. А я, как всегда, подчинилась.

Факт оставался фактом — идти мне некуда.

Крупных сумм мне не давали, только небольшие, которых хватало на проезд до университета и на еду. Все покупки дороже пятисот рублей необходимо было согласовывать с родителями. У меня даже телефон был кнопочный — из тех, что уже и в магазинах-то не продают, — чтобы я могла позвонить или отправить SMS. Смартфон мне так и не одобрили. «Зачем тебе? — говорил отец. — Чтобы в этих ваших сетях непристойности разглядывать?» Я не стала объяснять, что без смартфона в двадцать первом веке чувствуешь себя человеком, застрявшим в чужой эпохе.

Сверстники не особо хотели со мной общаться. Странная замухрышка в бабушкиных шмотках, с которой даже поговорить не о чем — ни мемы обсудить, ни видео скинуть. Подруг у меня никогда не было. Из знакомых — только дети папиных партнёров и компаньонов. На деловых приёмах меня рекламировали как товар на витрине. «Красива, воспитана, образована, умеет держаться в обществе, не перечит старшим. Такая будет украшением любого мужчины». Отец произносил это с гордостью ювелира, демонстрирующего огранённый бриллиант. А я стояла рядом, улыбалась и чувствовала себя породистой собакой на выставке.

Моей отдушиной были книги. В них я погружалась с головой. Среди страниц мне не приходилось отводить взгляд, когда надо мной подшучивали из-за одежды или странной манеры разговаривать. В книгах передо мной распахивались целые миры — яркие, бескрайние, свободные. Там женщины сражались, любили, принимали решения и не спрашивали разрешения у отцов. Там Элизабет Беннет дерзила мистеру Дарси, а Джейн Эйр уходила от человека, которого любила, потому что так велела её совесть, а не чужая воля. Я перечитывала их истории и мечтала однажды написать свою.

Коля был другим. Он никогда не обращал внимания на мой неказистый внешний вид, был добр и заботлив. Рядом с ним я забывала о своих юбках-карандашах и кнопочном телефоне. Хотя и Влад тоже был таким — до того неприятного разговора...

— Извини, я опоздал. «Задержали на тренировке!» — произнёс Коля, прерывая мои размышления.

Он отодвинул стул и сел напротив меня. От него пахло спортивным дезодорантом и свежестью — видимо, принял душ в раздевалке. Капельки воды ещё поблёскивали в светлых волосах.

Он был красив. Высокий блондин с карими глазами — необычное сочетание, которое притягивало взгляд. Прямой нос, полные губы, широкие плечи. Николай занимался футболом, и это было заметно — в каждом его движении чувствовалась уверенность спортсмена, привыкшего к своему

телу. Сейчас на нём была чёрная худя и такого же цвета спортивные штаны. Простой наряд, но на нём он смотрелся как с обложки. Я невольно одёрнула свою кремовую блузку с жабо — рядом с ним я чувствовала себя особенно нелепо.

Мы учились в одной группе. Наше общение завязалось случайно — как и всё хорошее в моей жизни. Преподаватель по информационным технологиям в юридической деятельности задал курсовую работу. Николай был в числе отстающих по этому предмету и попросил помощи у лучшей ученицы группы. То есть у меня. Я согласилась — и не потому, что он мне нравился (хотя, конечно, уже тогда нравился), а потому что не умела отказывать. Это качество отец воспитал во мне на славу.

Мы стали встречаться в кофейне возле университета три раза в неделю. Сначала наше общение было сугубо по предмету: задачи, формулы, схемы. Но постепенно границы размылись. Мы начали обсуждать не только учёбу. Шутили и смеялись. Он говорил, что у меня красивый смех — звонкий, как колокольчик, — и старался рассмешить ещё и ещё. Никто раньше не говорил мне таких слов. Никто раньше не старался ради моей улыбки.

— Ничего страшного. Я всё понимаю, — улыбнулась я в ответ, теребя бумажную салфетку в руках. Она уже превратилась в бесформенный комочек. — Как прошёл твой день?

— Всё отлично! На поле я был неподражаем. Ты бы меня видела! — мечтательно произнёс он, откидываясь на спинку

стула и закладывая руки за голову. Его глаза сияли, как у ребёнка, получившего долгожданный подарок.

— Это замечательно! — произнесла я, не зная, что ещё ответить. В футболе я разбиралась примерно так же, как в квантовой физике.

— На следующей неделе у нас межуниверситетская игра. Если я сдам эту дурацкую информационную технологию, буду играть в основном составе, а если нет... — он печально вздохнул и провёл ладонью по влажным волосам.

— Конечно же ты сдашь! В этом нет никакого сомнения, — я полезла в старую потёртую сумку, стоявшую рядом со мной на стуле, и достала увесистую папку. Курсовая Коли. Вернее, моя курсовая, написанная для Коли. Я провела над ней три ночи подряд, проверила каждую цифру, оформила по ГОСТу и даже добавила несколько намеренных мелких ошибок — чтобы преподаватель не заподозрил. Мне очень хотелось его порадовать. — Вот, держи! Это тебе.

— Что это? — поинтересовался он, принимая папку из моих рук. Наши пальцы соприкоснулись, и по моей коже пробежал разряд, как от статического электричества. Коля, кажется, ничего не заметил.

— Это твоя курсовая. Я сделала её за тебя.

— Лиза! Спасибо! Ты спасла мою жизнь! — обрадовался он, перелистывая страницы. По его лицу расплылась широкая улыбка — та самая, от которой у меня каждый раз подгибались колени.

— Скажешь тоже. Жизнь спасла... Мне было несложно,

— я опустила глаза, чувствуя, как горят щёки.

— Ты самая лучшая! — парень перегнулся через стол и чмокнул меня в щёку.

Время остановилось. Его губы были тёплыми и чуть шершавыми, а прикосновение длилось какую-то секунду — но этой секунды хватило, чтобы мой пульс взлетел до небес. Я почувствовала, как жар залил щёки, шею, даже кончики ушей. Место поцелуя горело, словно он оставил на моей коже невидимую отметину.

Возникло неловкое молчание. Коля уже листал курсовую, а я сидела, боясь пошевелиться, — как будто любое движение могло спугнуть это мгновение.

— Ты не голоден? — невпопад выпалила я, лишь бы нарушить тишину.

— Не, я перекусил, — отмахнулся он, не отрываясь от папки.

— Когда? Ты же только с тренировки! — недоумевала я.

— Да я из дома пару бутеров захватил, по дороге перекусил.

— А, понятно, — произнесла я, машинально беря со стола новую салфетку и принимаясь терзать уже её.

— Что-то случилось? Ты какая-то нервная, — Николай оторвался от курсовой и внимательно посмотрел на меня. Его карие глаза, тёплые и внимательные, казалось, видели меня насквозь.

— Нет, что ты! Всё хорошо, — соврала я и натянуто улыбнулась. Как же я хотела сказать ему правду. Три простых слова, которые героини в моих любимых книгах произносили так легко, словно это ничего не стоило. «Ты мне нравишься». Всего три слова. Но они застревали в горле колючим комком, и я никак не могла их вытолкнуть.

Мне хотелось рассказать ему, что он мне не безразличен. Что я думаю о нём перед сном и представляю, как он берёт меня за руку. Что его поцелуй в щёку только что перевернул мой мир. Возможно, мои чувства взаимны, и мы сможем быть вместе. К тому же сейчас он был свободен. Я это точно знала — специально уточнила, ненавязчиво, на прошлой неделе.

Послышалась мелодия входящего вызова. Коля достал телефон из кармана, взглянул на экран — и что-то неувлимо изменилось в его лице. Он быстро сбросил звонок и убрал телефон обратно. Слишком быстро.

— Слушай, Лизок, я совсем забыл — мне нужно маме помочь. Ты не против, если я побегу? Не хочу, чтобы она мне потом весь мозг проела, — он уже поднимался из-за стола, подхватывая папку с курсовой. — Ты же не обидишься, правда? А мы с тобой на следующей неделе в кино сходим. Хорошо?

— Хорошо, — ответила я, изо всех сил стараясь не показать разочарования. Улыбка далась мне с трудом — как мас-

ка, которая вот-вот треснет. — Мама — это святое.

Парень быстро вышел из кофейни, не забыв захватить курсовую. Колокольчик на двери звякнул ему вслед. Я проводила его взглядом через витринное стекло — он шёл быстрым шагом, уже прижимая телефон к уху. Перезванивал тому, кого сбросил.

— Ваш заказ! — бодро произнёс официант, появляясь у столика с подносом. Он поставил передо мной салат «Цезарь» и стейк с овощами на гриле.

Я сделала заказ ещё до того, как Коля пришёл. Знала, что он с тренировки, — голодный, уставший, — и хотела его порадовать. Заказала его любимый стейк средней прожарки, как он однажды упомянул. Запомнила, конечно. Я запомнила всё, что он говорил.

Он не пробыл и десяти минут.

Стейк дымился на тарелке, истекая соком. Выглядел аппетитно — для кого угодно, но не для меня. Аппетита не было совершенно. В горле стоял тот самый колючий комок невысказанных слов.

— Можно счёт, пожалуйста? — попросила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Официант быстро рассчитал меня, бросив удивлённый взгляд на нетронутую еду. Наверное, подумал, что мне не понравилось. Если бы.

Я шла по улице не спеша, вдыхая прохладный вечерний воздух. Солнце уже клонилось к горизонту, окрашивая небо

в персиковые и лиловые тона. Мимо проходили парочки — держались за руки, смеялись, целовались прямо на ходу. Я смотрела на них и чувствовала странную смесь зависти и надежды.

Как же мне ему сказать? Как признаться? Пока я колеблюсь, он найдёт себе новую девушку. Или, что ещё хуже, снова сойдётся со своей бывшей — Светой. Длинноногой Светой с идеальным маникюром, смартфоном последней модели и гардеробом, за который мой отец, наверное, одобрительно кивнул бы. Хотя нет — на Свете были джинсы. Отец бы не одобрил.

Подойдя к остановке общественного транспорта, я увидела приклеенный к информационному стенду яркий флаер.

«Студенческая весна. 12 мая. Участвуют все желающие, обучающиеся в ГРОАП. Вход свободный. В конце вечера — дискотека».

Точно. Как я могла забыть про Студвесну?

План сложился в голове мгновенно, словно мозаика, в которой все кусочки вдруг нашли свои места. Я приглашу Колю на танец на дискотеке. Нет — лучше передам ему записку, в которой расскажу о своих чувствах. На бумаге слова не застревают в горле. Он прочтёт. Поймёт. Улыбнётся той самой улыбкой. Скажет, что тоже давно хотел мне признаться. И мы будем вместе.

Идеальный план.

Я прижала флаер к груди, и впервые за этот вечер улыбну-

лась по-настоящему. Двадцать второе мая. Через три недели. У меня есть время подготовиться, написать правильные слова, собраться с духом.

Это будет восхитительно.

Так наивно полагала я тогда, стоя на остановке в своей юбке-карандаше и блузке с жабо, прижимая к сердцу мятый флаер и мечтая о том, чего никогда не будет. Но как же я ошибалась...

Глава 3

Вечером накануне знаменательной даты я почти не спала. Ворочалась с боку на бок, комкая простыню, и всё представляла, как приглашу Колю на танец. Как мы будем медленно кружиться под музыку — только мы двое, словно остальных не существует. Как его сильные руки лягут на мою талию, притягивая к себе всё ближе. Как я почувствую тепло его тела сквозь тонкую ткань платья. Как он наклонится к моему уху и прошепчет что-то — неважно что, лишь бы его дыхание коснулось моей кожи. Возможно, он всё поймёт даже без дурацкой записки. Возможно, я ему уже небезразлична.

Записку я переписывала четыре раза. Первый вариант показался слишком сухим. Второй — слишком отчаянным. Третий — слишком длинным. Четвёртый я сложила вчетверо, спрятала в карман и решила, что больше ничего менять не буду. Иначе до утра просижу с ручкой.

Уснула я только под утро — измотанная собственными мыслями, провалилась в тревожный, неглубокий сон, полный обрывочных образов: музыка, свет софитов, его улыбка, мои руки на его плечах.

Весь следующий день я собиралась, как на светский приём. Уложила свою непослушную копну рыжих волос — потратила на это битый час, пока локоны не легли мягкими волнами вместо привычного рыжего хаоса. Нанесла лёгкий,

почти незаметный макияж — чуть туши, чуть блеска на губах. Большого я себе позволить не могла: отец считал, что краска на лице — признак вульгарности. В глубине шкафа, за шеренгой одинаковых блузок и юбок, нашла своё строгое чёрное платье — то самое, которое мама покупала мне для фортепианных выступлений. Простое, закрытое, длиной чуть ниже колена, с длинным рукавом и скромным круглым вырезом. Не то чтобы оно делало из меня красавицу, но хотя бы отличалось от ежедневной «униформы». Хотя бы в нём я чувствовала себя чуточку другой.

Я стояла перед зеркалом, придирчиво себя разглядывая. Платье сидело хорошо — подчёркивало талию, о существовании которой в моих обычных нарядах никто бы не догадался. Рыжие волосы красиво оттеняли чёрную ткань. Веснушки проступали сквозь тонкий слой пудры, но я решила не бороться с ними — Коля однажды сказал, что они милые. Может, соврал. Может, просто был вежлив. Но я запомнила.

— Куда это ты собираешься? — строго спросил папа, заглядывая в мою комнату.

Он стоял в дверном проёме, привалившись к косяку плечом занимая все его пространство, и смотрел на меня тем самым взглядом прокурора, которым обычно проводил допрос. Я почувствовала, как вспотели ладони.

— У нас сегодня мероприятие в университете. Я буду выступать на сцене, — выпалила я заготовленную отговорку, стараясь, чтобы голос не дрожал. Платья не было в утвер-

ждённом списке, и мне нужно было объяснить его появление, прежде чем отец спросит.

— Что ещё за выступление? Первый раз слышу! — не унимался он, скрещивая руки на груди.

— Это выступление для Студенческой весны. Меня попросил декан аккомпанировать одной студентке на фортепиано, — врала я, глядя ему прямо в глаза. Где-то я читала, что лжецы отводят взгляд. Значит, нужно смотреть прямо.

— Фи, какая мерзость, — безразличным тоном произнёс отец, поправляя свой шёлковый синий халат. — Как низко ты пала, что согласилась на столь унижительное мероприятие. Студенческая самодеятельность — удел тех, у кого нет ни происхождения, ни амбиций.

Я стиснула зубы. Спокойно. Не сейчас.

— Знаю, папа, что подобные мероприятия не прибавляют мне чести, — я говорила его языком — тем выверенным, холодным тоном, которому он сам же меня обучил. — Однако смею заверить, что декан — не последняя фигура в нашем университете, и его положительное отношение ко мне весьма выгодно для дальнейшей учёбы и получения привилегий.

Безбожно врала. Выступать я вовсе не собиралась. Мне просто хотелось пойти на дискотеку — как обычная двадцатилетняя девушка, как все. Но отец просто так бы меня не отпустил, тем более в несогласованном наряде. Поэтому я давила на единственное, что он понимал, — выгоду.

Отец задумался. Его взгляд стал расчётливым, как у шах-

матиста, просчитывающего ходы.

— С этой стороны я не рассматривал, — медленно произнёс он. — Пожалуй, и правда стоит сходить. Я всегда тебе говорю: нужно поддерживать отношения с влиятельными людьми. Ваш декан, конечно, не богат, но в вашем университете имеет определённую власть. Ты правильно поступила, что согласилась. — Он сделал паузу и добавил повелительным тоном: — Только в следующий раз согласовывай всё со мной заранее. Ясно?

— Да, папа.

Он окинул меня последним оценивающим взглядом — как оценивают товар перед продажей, — коротко кивнул и вышел. Я выдохнула так шумно, что удивилась, как он не услышал. Руки тряслись. Но я улыбалась.

Вечер начался с концерта. Актальный зал был украшен шарами и гирляндами — незатейливо, по-студенчески, но от этого ещё более трогательно. Пахло попкорном и дешёвым парфюмом. Выступали студенты: пели — кто талантливо, кто отчаянно фальшивя; танцевали — от хип-хопа до странного современного танца, который я не поняла, но вежливо поаплодировала; читали стихи — в основном свои, и в основном о любви.

Я сидела в последнем ряду, судорожно сжимая в кармане сложенную вчетверо записку. Бумага уже стала влажной от моих ладоней. Коля должен быть где-то здесь — я видела его

имя в списке приглашённых футбольной команды.

После концерта все перешли в спортзал. Его преобразили до неузнаваемости: приглушённый свет, цветные прожекторы, в углу — колонки и диджейский пульт, за которым стоял парень в наушниках и кивал головой в такт басу. По залу плыл лёгкий дым от дым-машины, и в его молочных клубах силуэты студентов казались призрачными, почти нереальными.

Я стояла у стены, наблюдая. Прижимала к себе руки, будто мне было холодно, хотя в зале стояла духота. Девушки вокруг были одеты, как из другого мира — моего тайного, запретного мира. Короткие юбки, обнажающие загорелые ноги. Облегающие майки и топы, открывающие животы с пирсингом в пупке. Кто-то в рваных джинсах и кроп-топах, кто-то в коротких сверкающих платьях, едва прикрывающих бёдра. Яркий макияж — стрелки, блёстки, алые губы. Высокие каблуки, босоножки, кеды на платформе.

И я. В своём чёрном закрытом платье до колен, с длинными рукавами и скромным вырезом. Словно пришла не на дискотеку, а на похороны. Или на урок музыки. Серая мышь среди ярких бабочек. Я смотрела на этих девчонок с завистью, которая обжигала изнутри, как кислота. Не на их красоту — на их свободу. На право быть собой. На право самим выбирать, что надеть и как выглядеть. Такое простое, элементарное право, которого я была лишена.

Музыка гремела — современная, клубная, с тяжёлым басом, от которого вибрировал пол под ногами. Никаких медленных танцев. Это расстроило меня ещё сильнее. Весь мой план строился на медленном танце — на возможности оказаться близко, лицом к лицу, в тесном кругу его рук. А тут все прыгали, тряслись и размахивали руками, и сама мысль о том, чтобы подойти к Коле посреди этого хаоса, казалась абсурдной.

Я так надеялась на этот вечер. Так хотела, чтобы он запомнился навсегда. А вместо этого стояла как прокажённая, одна у стены, с мокрой запиской в кармане и пересохшим горлом.

Время тянулось мучительно. Час, полтора. Я несколько раз замечала Колю в толпе — он танцевал, смеялся, хлопал друзей по плечам. Ни разу не посмотрел в мою сторону. Может, не заметил. А может, заметил и решил не замечать. Я уже не знала, что хуже.

Приближался комендантский час. Скоро пора было уходить. Мой «идеальный план» рассыпался на глазах, и вместе с ним рассыпалась моя храбрость. Ещё немного — и я просто уйду, никем не замеченная, как и пришла. Унесу свою жалкую записку домой и сожгу её над раковиной.

И вдруг — словно кто-то наверху услышал мою немую мольбу — из колонок полились первые ноты медленной композиции. Мягкая, обволакивающая мелодия. Бас отступил, уступая место фортепианным аккордам и нежному женско-

му голосу.

По залу прокатился вздох: кто-то обрадовался, кто-то разочарованно застонал. Пары начали сходиться, обнимая друг друга. Одинокие отступили к стенам.

Сейчас или никогда.

Я собрала всю волю в кулак — он показался мне удивительно маленьким и слабым — и пошла через зал. Каждый шаг давался с трудом, словно я шла по дну бассейна. Сердце грохотало громче музыки. Записка жгла карман. Ладони были ледяными.

Николай стоял неподалёку, в компании парней и девушек из футбольной команды. Они о чём-то оживлённо разговаривали, смеялись. Он стоял ко мне спиной, и я на мгновение замерла, любуясь его силуэтом. Бежево-коричневые льняные брюки с кожаным ремнём, рубашка в тон с закатанными рукавами, обнажающими загорелые предплечья и дорогие часы на запястье. Даже со спины он выглядел обворожительно.

Я мягко коснулась его плеча. Пальцы дрожали.

Он обернулся. Карие глаза нашли мои и — на долю секунды мне показалось — удивлённо расширились. Но это удивление тут же сменилось чем-то другим. Чем-то, что я не хотела распознавать.

— Коля, — голос мой звучал тихо, но я заставила себя произнести каждое слово отчётливо: — Не соизволишь ли ты провести со мной этот танец?

Я протянула руку.

Тишина. Нет, не тишина — музыка играла, люди вокруг двигались. Но для меня мир замер. Секунда. Две.

А потом раздался свист.

— Мышь решила вылезти из своей норы! — послышался чей-то насмешливый голос из-за Колиной спины.

Хохот. Кто-то присвистнул. Кто-то зааплодировал — издевательски, медленно.

Я стояла с протянутой рукой. Она висела в воздухе, как приговор.

Коля был смущён — нет, не смущён. Раздавлен. Его взгляд метался от меня к друзьям, от друзей к девушкам, стоящим рядом. Он побледнел. На скулах проступили красные пятна. Он открыл рот, закрыл, снова открыл. Искал слова — любые слова, — чтобы отказать. Чтобы отделаться от меня. Чтобы это прекратилось.

— Пожалуйста... — прошептала я. Рука всё ещё висела в воздухе. Почему я не опустила её? Почему не развернулась и не ушла? Потому что я была глупой. Наивной. Потому что до последней секунды верила, что он возьмёт мою руку — и всё будет как в тех книгах, что я читала ночами под одеялом.

— Да ладно тебе, чувак, не ломайся! Убогие тоже хотят внимания! — послышался другой голос, и следом — новая волна хохота.

Коля нехотя — боже, как нехотя — протянул руку и буквально вцепился в мою. Не взял — именно вцепился. Как хватают раскалённый предмет, зная, что нужно быстро пе-

ренести его и бросить.

Мы пошли к центру зала. Он переставлял ноги механически, не глядя на меня. Его рука на моей ладони была жёсткой и чужой. Когда мы остановились и повернулись друг к другу, я потянулась положить руку ему на плечо, как видела в фильмах, но он перехватил её, удерживая на расстоянии. Мы даже не танцевали — просто стояли посреди зала, покачиваясь в такт музыке, как два манекена.

И тогда он заговорил. Тихо, сквозь зубы, чтобы слышала только я:

— Зачем ты это сделала?

— Сделала что? — я посмотрела на него снизу вверх. В его глазах не было ни тепла, ни той доброты, к которой я привыкла в кофейне. Только злость. Голая, обжигающая злость.

— Пригласила меня! Ты только что опозорила меня перед всеми! Ты понимаешь это?

— В смысле опозорила? — мой голос дрогнул.

— Ты дура или притворяешься?!

Его слова обрушились на меня, как ведро ледяной воды. Я моргнула. Потом ещё раз. Мир вокруг стал расплывчатым.

— Я не понимаю... Я думала, мы... — мямлила я, глядя в его разъярённые глаза и пытаюсь найти в них хоть след того Коли, который говорил, что у меня красивый смех. Того Коли, который чмокнул меня в щёку и назвал самой лучшей. Но того Коли здесь не было. Может, его никогда и не существовало.

— Думала, что «мы»?! — он едва не рассмеялся. — Какие, нафиг, «мы»? Ты кем себя вообще возомнила? Зачем ты сюда припёрлась? Сидела бы дома за своими книжонками! Курсовые строчила — это единственное, на что ты годишься! Выперлась она...

Каждое слово было пощёчиной. Не звонкой и быстрой — медленной, тягучей, от которой внутри что-то рвётся беззвучно, как ветхая ткань. Я смотрела на него и не могла поверить, что это тот же человек. Тот, ради которого я не спала ночь. Ради которого написала четыре варианта записки. Ради которого три ночи подряд делала его курсовую.

Мне стало так стыдно, что единственным моим желанием было провалиться сквозь пол — через подвал, через фундамент, через землю — к самому центру планеты, где никто и никогда меня не найдёт.

— Николаша, привет! — пропел рядом сладкий женский голос.

Мы оба вздрогнули. Николай поднял глаза — и его лицо мгновенно преобразилось, будто кто-то щёлкнул переключателем. Злость исчезла. Появилась улыбка. Та самая улыбка, от которой у меня когда-то подгибались колени.

— Светик, привет! — пропел он в ответ, и голос его стал бархатным, мягким, тёплым. Тем голосом, которым он раньше говорил со мной.

Света стояла рядом — длинноногая, в коротком серебристом платье, с идеально уложенными волосами цвета тёмно-

го шоколада. Она была красивой. По-настоящему красивой — той яркой, уверенной красотой, которая не нуждается в оправданиях.

— Николаша, пойдём. Я спасу тебя от твоего позора, — протянула она ему руку с безупречным маникюром, одарив меня мимолётным взглядом. Так смотрят на пятно на ска-терти — с лёгкой брезгливостью и полным равнодушием.

Коля взял её руку. Не вцепился — взял. Мягко, бережно. И притянул к себе, крепко прижав. Его ладонь легла ей на поясницу, туда, где серебристая ткань обтягивала тело. Он положил подбородок ей на макушку и — я видела это отчётливо, словно в замедленной съёмке — вздохнул с облегчением. Как человек, которого только что вытащили из воды.

Света обернулась через его плечо и подмигнула мне. Ехидно, победно. «Ты же не думала, что у тебя был шанс?» — говорил этот взгляд.

Я стояла одна посреди танцпола. Вокруг кружились пары, музыка играла, свет мерцал. А я стояла — и чувствовала, как от меня отваливаются куски. Не кожа, не плоть — что-то более глубокое. То, что делало меня живой.

Потом я побежала.

Бросилась прочь из спортзала, который отныне и до окончания учёбы будет напоминать мне об этом вечере. Каблуки стучали по паркету — громко, отчаянно, как стук моего сердца. Слезы хлынули — горячие, неудержимые. Я не вытирала их. Какой смысл?

Уже у выхода из зала, в полутёмном коридоре, я налетела на кого-то — буквально врезалась грудью.

Матвей.

Он был выше меня на голову — крепкий, широкоплечий, темноволосый. Товарищ Николая по команде и его лучший друг. Одет в узкие чёрные джинсы и белую футболку, обтягивающую мускулистый торс. Лицо — жёсткое, с тяжёлой челюстью и холодными светлыми глазами, в которых плясали насмешливые огоньки.

— Что, уже натанцевалась? Быстро ты! — ехидно бросил он, скрестив руки на груди и перегородив собой коридор.

Не проронив ни слова, я попыталась его обойти. Шагнула влево — он шагнул туда же. Вправо — и он вправо. Его глаза смеялись. Для него это была игра — кошка и мышь. И я, разумеется, была мышью. Как всегда.

Я сделала ещё один шаг — он снова преградил путь. Ещё один — то же самое. Казалось, это никогда не кончится. Слезы заливали лицо, а он стоял и наслаждался моей беспомощностью, как мой отец наслаждался, кромсая ножницами мою зелёную худи. Одно и то же лицо — разные тела.

Вдоволь насмеявшись, он великодушно отступил в сторону и сделал шутовской поклон:

— Прошу!

Я рванулась вперёд. Свобода. Выход. Ещё несколько шагов — и я окажусь на улице, в темноте, в безопасности...

— Ой, Лизонька! Ты что-то уронила!

Его голос — ленивый, издевательский — ударил в спину. Я посмотрела на свои руки. Пустые. Записка. Записка, которую я судорожно сжимала весь вечер, — её не было. Она, должно быть, выпала, когда я налетела на него.

Я обернулась — и сердце ухнуло в пропасть.

Матвей держал сложенный вчетверо листок. Медленно, нарочито, разворачивал его, растягивая удовольствие. Как ребёнок, разворачивающий конфету.

— Отдай! Это моё! — закричала я, бросаясь к нему.

— Было твоё — стало моё! — ухмыльнулся он, поднимая руку высоко над головой.

Я толкала его, прыгала, тянулась на цыпочках — бесполезно. Он был словно каменная стена, и мои попытки отобрать записку забавляли его, как попытки котёнка достать игрушку. Люди вокруг остановились. Голоса стихли. Кто-то достал телефон. Мы превратились в бесплатный спектакль.

— Так-так, посмотрим, что тут у нас! — Матвей вытянул вторую руку, упираясь мне в лоб ладонью и не подпуская ближе, и начал читать. Громко. Чётко. Чтобы каждый желающий услышал. И его голос — грубый, насмешливый — превратил мои слова в фарс.

— «Мой дорогой Коля!» — он театрально закатил глаза, и по коридору прокатился первый смешок. — «Сегодня такая особенная ночь — дискотека, музыка, огни... Но среди всей этой суеты я вижу только тебя...»

«Нет, — стучало в висках. — Нет, нет, нет, пожалуйста, нет...»

Я больше не прыгала. Не толкала. Стояла, опустив руки, и слушала, как мои самые сокровенные слова — те, что я подбирала четыре ночи подряд, те, что шли из самой глубины моего искалеченного сердца, — превращались в цирковой номер.

— «...Каждый раз, когда ты улыбался, моё сердце замирало чуть сильнее...» — Матвей прижал руку к груди, пародируя влюблённую девицу. Кто-то захохотал. Кто-то присвистнул.

Люди подходили. Их становилось всё больше. Из спортзала выглядывали, привлечённые шумом. Я видела лица — размытые, искажённые, словно отражения в кривом зеркале. И на каждом — смех. Удивление. Злорадство. Жалость — та особая жалость, которая унижает сильнее любой насмешки.

— «...Ты стал для меня не просто напарником по учёбе, не просто одноклассником...» — он читал, нарочно коверкая интонацию, делая паузы в нелепых местах, чтобы выжать из толпы максимум хохота.

Я хотела закрыть уши. Хотела закричать. Хотела исчезнуть. Но стояла — намертво, словно ноги приросли к полу. И слушала, как мою душу зачитывают вслух.

— «...Я влюбилась, Коля. В твою улыбку, в твой смех, в твою заботу...» — Матвей сделал драматическую паузу и возвёл глаза к потолку. — «...в то, как ты смотришь на мир!»

Хохот нарастал. Кто-то аплодировал. Кто-то снимал на телефон. Я краем глаза увидела Колю — он стоял в дверях спортзала, обнимая Свету за талию. Его лицо было непроницаемым. Он не смеялся. Но и не останавливал Матвея. Просто стоял и смотрел — как смотрят на дорожное происшествие: с интересом и облегчением, что это случилось не с тобой.

— «...Хочу быть с тобой не только на занятиях, но и во всех остальных моментах — в смешных и серьёзных, в будничных и особенных...» — Матвей всхлипнул, изображая рыдания, и утёр воображаемую слезу.

А потом — финал:

— «С любовью, твоя Лиза!»

Он поднял записку над головой, как трофей.

И зал взорвался.

Оглушительный, безжалостный хохот. Он волной прокатился по коридору, отразился от стен, ударил в потолок и обрушился на меня. Десятки голосов слились в один — жестокий, беспощадный, всепоглощающий. Он проникал сквозь кожу, сквозь кости, добирался до самого нутра — туда, где ещё теплилось что-то живое, — и безжалостно это давил.

Я стояла посреди коридора. Руки висели вдоль тела, как чужие. Слезы уже не текли — высохли, выжженные стыдом. Внутри было пусто. Не больно — пусто. Как в доме, из которого вынесли всю мебель, содрали обои и выбили окна. Сквозняк гулял по пустым комнатам моей души, и в каждом

углу эхом отдавался этот смех.

Кто-то тронул меня за плечо. Я не обернулась. Кто-то сказал что-то — слова не дошли, растворились в белом шуме. Мир стал ватным, далёким, словно я смотрела на него сквозь мутное стекло.

А потом ноги пошли сами.

Я не помню, как вышла из здания. Не помню, как оказалась на улице. Помню только — майский воздух ударил в лицо, неожиданно холодный после душного зала. Фонари расплывались жёлтыми кляксами. Асфальт блестел после недавнего дождя. Где-то далеко, за деревьями, гудел город — равнодушный, не знающий и не желающий знать, что в этом здании только что растоптали человека.

Я шла. Без направления, без мысли. Каблуки стучали по мокрому тротуару — единственный звук, который я слышала. Стук-стук-стук. Ровный, механический, как метроном. Как сердцебиение, которое по привычке продолжается, даже когда жить уже незачем.

Где-то на середине аллеи ноги подкосились. Я опустилась на мокрую скамейку — прямо в своём единственном чёрном платье — и обхватила себя руками. И только тогда рыдания прорвались наружу. Не тихие, не красивые — страшные, рваные, с хрипом и воем, от которых сводило горло. Я плакала так, как не плакала никогда в жизни. Ни когда отец резал мою худу. Ни когда мама в очередной раз промолчала. Ни когда девчонки в школе называли меня чучелом.

Я плакала, потому что впервые по-настоящему доверилась — и впервые по-настоящему предали.

Нет. Не предали. Предают тех, кому были верны. А Коля никогда не был мне верен. Он просто пользовался мной — моими мозгами, моей готовностью помочь, моей жалкой, собачьей преданностью. Я писала ему курсовые, объясняла теоремы, терпеливо разжёвывала каждую тему — а он платил мне улыбками и мимолётными комплиментами, которые ничего не стоили.

«Ты самая лучшая!» — звучало в голове, и следом — его же голос, искажённый злостью: «Ты кем себя возомнила?»

Влад был прав. Влад, чёрт возьми, был прав во всём. «Он пережует тебя и выплюнет». Пережевал. Выплюнул. Даже не поморщился.

А я сидела на мокрой скамейке в парке, в десять вечера, в платье для фортепианных концертов, без денег на такси, без смартфона, чтобы вызвать машину, без единого человека на свете, которому могла бы позвонить.

Потому что единственного друга я тоже оттолкнула.

Домой я добралась на последнем автобусе. Вошла тихо, стараясь не скрипнуть дверью. В доме было темно — только из-под двери папиного кабинета сочилась полоска света. Я прокралась наверх, в свою комнату, закрыла дверь на щеколду и привалилась к ней спиной.

Зеркало на дверце шкафа отразило жалкое зрелище: размазанная тушь, опухшие глаза, красные пятна на щеках, рас-

трёпанные волосы. Подол платья потемнел от влаги — скамейка была мокрой, а я даже не заметила. На колготках — стрелка, длинная, как трещина в стене.

Я смотрела на своё отражение и пыталась увидеть ту девушку, которую описывала в записке. Ту, которая верила в любовь, в знаки судьбы, в «долго и счастливо». Но видела только серую мышь. Серую мышь в чёрном платье.

«Посмотри на себя», — сказал Влад.

Я смотрела.

«Личико и фигурка ещё ничего, сойдёт, а шмотки бабкины весь вид портят».

Я медленно стянула платье через голову. Бросила его на пол — впервые в жизни, не повесив аккуратно на вешалку. Осталась в своих «панталончиках» и бесформенном лифчике. Подошла к зеркалу ближе.

Стройное тело. Тонкая талия. Длинные ноги — оказываются, они у меня длинные, за юбками-карандашами этого не видно. Ключицы, изгиб шеи. Кожа молочно-белая, усыпанная веснушками — не только на лице, но и на плечах, на груди. Зелёные глаза — сейчас покрасневшие и опухшие, но всё равно большие, яркие.

Я была красивой. Или, по крайней мере, могла бы быть красивой — если бы мне позволили. Если бы вместо бабушкиных блузок на мне были обычные вещи. Если бы вместо кнопочного телефона — смартфон. Если бы вместо заламинированного списка на шкафу — свобода быть собой.

Но красота не имела значения. Потому что даже если бы я была самой красивой девушкой на свете, это не защитило бы меня от того, что произошло сегодня. От унижения. От смеха. От равнодушного взгляда Коли, стоящего в обнимку со Светой.

Красота — не щит. Красота — просто обёртка. А внутри я была тем же, чем и снаружи, — одинокой, напуганной девочкой, которая всю жизнь пыталась заслужить любовь и раз за разом получала по лицу.

Я натянула ночную рубашку — длинную, до пят, с длинными рукавами, — забралась под одеяло и свернулась калачиком. Прижала колени к груди и закрыла глаза.

Телефон на тумбочке молчал. Старый, кнопочный, бесполезный. Но даже будь у меня смартфон — кому бы я написала?

В темноте, в тишине, мысли закручивались по спирали, утягивая на самое дно. «Серая мышь». «Убогая». «Ты кем себя возомнила?» «На хрен ты никому не будешь нужна такая». Голоса смешивались — Влад, Матвей, Коля, отец. Разные люди, одни и те же слова. Может, они все правы. Может, я действительно никому не нужна. Может, так будет всегда.

Слёзы потекли снова — тихие, беззвучные, по вискам в подушку. Я не стала их вытирать. Просто лежала и смотрела в потолок, на который падал бледный свет луны, прорывавшийся сквозь шторы. Лунная дорожка лежала на потолке неровной полосой, и если долго на неё смотреть, казалось,

что она двигается. Медленно, лениво. Как будто даже луне было всё равно.

«Летая в облаках, пропустишь жизнь», — говорила мама. Какую жизнь, мама? Вот эту?

Я закрыла глаза. Завтра будет новый день. Такой же серый, как и все предыдущие. Я пойду в университет в своей юбке-карандаше и блузке с жабо. Буду делать вид, что ничего не произошло. Отводить глаза. Прятаться в книги. Молчать.

Потому что я — истинная леди. А леди не плачут.

Хотя нет. Леди, может, и не плачут. Но я — не леди. Я никогда ею не была.

Глава 4

Следующая неделя в университете стала самой тяжёлой в моей жизни.

Нет, меня не били. В основном не травили открыто — для этого я была слишком незаметной. Но записку — мою записку — кто-то сфотографировал и выложил в университетский чат. Тот самый чат, к которому у меня не было доступа, потому что для него нужен был смартфон. Я узнала об этом случайно — услышала, как две девушки из параллельной группы обсуждали её в туалете, не зная, что я стою в кабинке.

— Ты читала? Ну, ту записку? «С любовью, твоя Лиза»? — голос был визгливый, восторженный, как будто речь шла о последней серии популярного шоу.

— Читала! Умереть, не встать! Она ему реально курсовые писала, а потом в любви призналась? На бумажке? В двадцать первом веке? Кто так делает вообще?

— Ну, та, у которой кнопочный телефон. Ты видела её? Которая в юбках чуть ли не до пятток ходит?

— А, эта! Ну, тогда понятно. Она, наверное, и голубей почтовых запускает.

Хохот. Хлопнула дверь. Зашумела вода.

Я стояла в кабинке, прижав ладонь ко рту, чтобы не издать

ни звука. Стояла, пока они не ушли. Потом ещё пять минут. Потом ещё десять. Вышла, только когда прозвенел звонок и коридор опустел.

В зеркале над раковиной на меня смотрела бледная девушка с мёртвыми глазами. Я плеснула водой в лицо. Одёргнула блузку. Расправила юбку. И пошла на лекцию.

В аудитории — новая пытка. Я чувствовала взгляды. Не видела — чувствовала. Затылком, лопатками, кожей. Кто-то шептался. Кто-то хихикал, прикрывая рот ладонью. Коля сидел через два ряда, рядом со Светой. Он ни разу не обернулся. Вёл себя так, будто меня не существовало. Будто не было ни кофейни, ни курсовых, ни поцелуя в щёку. Будто я — пустое место.

И, возможно, так оно и было.

Я просидела всю лекцию, уставившись в тетрадь и делая вид, что конспектирую. На самом деле рука выводила одни и те же слова, снова и снова, строчка за строчкой: «Больше никогда. Больше никогда. Больше никогда».

На перемене я столкнулась с Матвеем в коридоре. Он шёл навстречу — развалистой, наглой походкой хозяина жизни. Увидев меня, расплылся в улыбке.

— О, Лизонька! Как дела? Не написала ещё новое любовное послание? Могу подсказать адресата, — он подмигнул. — Я парень видный! Айда лучше ко мне, я тебя не обижу. Люблю тихонь!

Его дружки, шедшие рядом, загоготали.

Я прошла мимо. Молча. С прямой спиной. Глядя прямо перед собой. Как леди. Как чёртова леди, которую из меня столько лет лепил отец.

Спасибо, папа. Хотя на что-то пригодилось твоё воспитание.

Прошло ещё три дня. Я ходила на занятия, возвращалась домой, делала уроки, ложилась спать. Ела мало — кусок не лез в горло. Мама заметила, но промолчала. Она всегда замечала. И всегда молчала.

На четвёртый день, сидя в библиотеке над учебником по гражданскому праву, я увидела его.

Влад.

Он стоял у стеллажа с юридическими журналами, листая какой-то том. На нём была его обычная кожаная куртка и тёмные джинсы. Волосы чуть отросли — видимо, забыл подстричься. Или не забыл, а просто было не до того.

Наши взгляды встретились. Он смотрел на меня — долго, молча, нечитаемо. Я ждала усмешки. Ждала «я же говорил». Ждала, что он отвернётся.

Но он не отвернулся.

Он поставил журнал на полку, подошёл ко мне, молча сел на соседний стул и пододвинул ко мне бумажный стаканчик с кофе.

Латте с карамелью. Мой любимый. Он помнил.

Я посмотрела на стаканчик. Потом на него. Потом снова на стаканчик.

И разревелась.

Прямо в библиотеке, посреди тишины и шелеста страниц. Тихо, беззвучно, как я теперь умела. Слёзы капали на учебник по гражданскому праву, размывая статью 152 о защите чести и достоинства. Символично, подумала я сквозь слёзы. Чертовски символично.

Влад не говорил ни слова. Не обнимал. Не утешал. Просто сидел рядом. Его рука лежала на столе — ладонью вверх, раскрытая, как приглашение.

Я положила свою ладонь на его. Пальцы дрожали.

Он сжал мою руку. Крепко. Надёжно. Без единого слова.

И в этом молчании было больше, чем во всех словах, которые я написала в той проклятой записке.

После того дня в библиотеке мы с Владом снова стали общаться. Не так, как раньше — легко и беззаботно. Между нами повисла какая-то новая, незнакомая тишина. Не враждебная, не холодная — скорее осторожная. Как между двумя людьми, которые однажды ранили друг друга и теперь боятся задеть болезненное место неловким движением.

Влад не спрашивал, что произошло на дискотеке. Не произносил имя Николая. Не говорил «я же предупреждал». Просто был рядом — молча носил мне кофе, провожал до остановки, иногда присылал короткие SMS: «Ты как?» или «Сегодня на паре?» Простые, ничего не значащие слова, которые значили для меня всё.

Я была ему благодарна. Так благодарна, что порой не могла на него смотреть — боялась снова расплакаться. А я и без того плакала слишком много в последние дни.

В университете я стала невидимкой. Нет — я и раньше была невидимкой, но теперь делала это осознанно. Приходила к первой паре, садилась на последний ряд, уходила сразу после звонка. Ни с кем не разговаривала. Глаз не поднимала. На переменах пряталась в библиотеке или, если погода позволяла, выходила в дальний угол университетского двора, где за старым корпусом стояли деревянные скамейки и никто никогда не сидел.

Николая я больше не видела. То есть, конечно, видела — мы учились в одной группе, — но научилась смотреть сквозь него. Как сквозь стекло. Он существовал где-то на периферии моего зрения: размытый силуэт, чужой голос, пустое место. Иногда, случайно поймав его взгляд, я замечала в нём что-то — неловкость? вину? раздражение? — но тут же отворачивалась, не давая себе додумать. Не хотела. Не могла. Не имело значения.

Прошла неделя. Потом другая. Раны начали затягиваться — не заживать, нет, но покрываться тонкой коркой, под которой всё ещё пульсировало и саднило, но уже не кровоточило открыто. Я научилась дышать вокруг боли, обходить её, как обходят яму на дороге. Жить было можно. Не радостно, не весело — но можно.

А потом пришло сообщение.

Вторник, около пяти вечера. Я сидела за письменным столом в своей комнате, конспектируя главу из учебника по уголовному праву. За окном сгущались майские сумерки — густые, сиреневые, пахнущие черёмухой. На пруду за домом квакали лягушки, и их монотонное пение действовало как снотворное. Я уже подумывала закрыть учебник и лечь пораньше, когда мой кнопочный телефон — старый, допотопный, с крошечным экраном — пискнул, оповещая о входящем сообщении.

Абонент: Коля Тонаев. Его имя на экране моего старенького телефона заставило моё сердце остановиться, а потом заколотиться с удвоенной силой.

«Лиза, прости. Нам нужно поговорить! Я был не прав. Всё исправлю! Приходи за конюшни в 8 вечера.»

Глава 5

Я перечитала сообщение трижды. Потом ещё раз. И ещё. Буквы прыгали перед глазами, не желая складываться в осмысленную картину. «Я был не прав». Три слова. Три слова, которых я ждала две недели. Которые снились мне по ночам. Которые я мысленно вкладывала ему в уста, проигрывая в голове бесконечные сценарии — что бы я ответила, как бы посмотрела, как бы...

«Всё исправлю».

Сердце стучало так громко, что, казалось, стук разносится по всей комнате. Я прижала телефон к груди и закрыла глаза. В голове немедленно развернулся сценарий — яркий, детальный, как кадры из кино. Вот Коля стоит за конюшнями — старым зданием на территории университетского спортивного комплекса, — в вечернем свете, в своей чёрной худи, и смотрит на меня тем самым тёплым взглядом из кофейни. Вот он говорит: «Прости. Я вёл себя как последний идиот. Мне не хватило смелости при всех, но я хочу, чтобы ты знала — ты значишь для меня больше, чем я показал». Вот он берёт мою руку...

Стоп.

Я открыла глаза. Посмотрела на сообщение ещё раз.

Что-то царапнуло — еле заметно, как заноза под ногтем.

Странное место — за конюшнями, где вечером никого не бывает. Восемь часов — когда уже темнеет.

«Не ходи», — шепнул голос в голове. Тихий, осторожный. Похожий на голос Влада.

Но другой голос — громкий, отчаянный, голодный — заглушил его: «А вдруг? Вдруг это правда? Вдруг он всё-таки понял? Вдруг записка до него дошла — не как объект для насмешек, а по-настоящему?»

Я знала, что надо позвонить Владу. Рассказать. Спросить совета. Но я точно знала, что он скажет: «Не ходи. Это ловушка. Забудь его». И он будет прав. Разумом я это понимала.

Но разум — слабый противник для сердца, которое так давно и так отчаянно хочет быть любимым.

Я встала из-за стола. Подошла к зеркалу. Посмотрела на себя — бледную, с тёмными кругами под глазами, в домашней юбке и мятой блузке. «Серая мышь», — эхом прозвучал голос Влада. «Убогая», — добавил голос Матвея. «Ты кем себя возомнила?» — довершил хор Колин голос.

А потом — тише всех, тише шёпота — его же голос, но другой, из кофейни: «Ты самая лучшая».

Может, тот Коля — настоящий. Может, тот, на дискотеке, — это маска, которую он надел перед друзьями. Может, ему тоже было стыдно и больно. Может, он две недели мучился и не знал, как подступить.

Может.

Я переоделась. Надела своё чёрное платье — единственный наряд, в котором чувствовала себя хоть чуточку уверенней. Пригладила волосы. Посмотрела на часы — половина седьмого. Нужно было торопиться: дорога до университета занимала минут сорок на автобусе.

Папы дома не было — уехал на деловой ужин. Мама сидела в гостиной перед телевизором, закутавшись в плед.

— Мне нужно в университет. Забыла тетрадь в аудитории, — соврала я, натягивая пальто.

Мама подняла на меня глаза — бесцветные, усталые. Кивнула. Ни одного вопроса. Ни «какую тетрадь?», ни «зачем так поздно?», ни «может, завтра заберёшь?». Просто кивок. Просто мама.

Я вышла в тёплый майский вечер. Воздух пах сиренью и нагретым за день асфальтом. Небо было розовато-золотым на западе и густо-синим на востоке, где уже проступали первые звёзды. Красивый вечер. Обманчиво красивый.

Всю дорогу в автобусе я сжимала телефон в кармане и перечитывала сообщение. «Я был не прав. Всё исправлю». К горлу подступала сладкая, тёплая надежда — та самая, которая, как я потом узнаю, бывает опаснее любого яда.

Конюшни стояли на задворках университетского спортивного комплекса — старое кирпичное здание, оставшееся ещё с тех времён, когда на этом месте был загородный клуб. Те-

перь их использовали как склад для спортивного инвентаря: сломанные козлы, ободранные маты, ржавые стойки для прыжков в высоту. Место было глухое — за зданием начинался пустырь, заросший высокой травой, а дальше — забор из бетонных плит, за которым тянулась железнодорожная ветка. Фонарей здесь не было. Камер тоже.

Я поняла это, только когда уже стояла за конюшнями, в сгущающихся сумерках, прислушиваясь к тишине. Часы показывали без пяти восемь.

Никого.

Я огляделась. Кирпичная стена в потёках, заросший одуванчиками асфальт, ржавая дверь с висячим замком. Где-то далеко, на территории спорткомплекса, слышались голоса и удары мяча — вечерняя тренировка подходила к концу. Но здесь, за углом, за старыми стенами, казалось, что я одна в целом мире.

«Странное место для разговора», — мелькнула мысль. Но я тут же себя одёрнула: Коля выбрал его именно потому, что здесь никого нет. Он не хочет, чтобы их видели вместе. Ему стыдно перед друзьями. Это логично. Это понятно.

Это должно было меня насторожить.

Без двух минут восемь. Я стояла, прислонившись к стене, скрестив руки на груди, и смотрела на дорожку, ведущую от спорткомплекса. Ждала, что из-за угла появится знакомый силуэт — высокий, широкоплечий, в чёрной худи. Что он

подойдёт, и его карие глаза будут виноватыми и тёплыми.

Восемь часов. Никого.

Пять минут девятого. Тишина.

Я достала телефон, хотела написать ответное SMS — и тут услышала шаги. Не один человек — несколько. Лёгкие, быстрые, каблуки дробью по старому асфальту. Женские.

Из-за угла конюшни вышла Светлана.

Сердце оборвалось. Не упало — оборвалось, как оборвали бы нитку: резко, с сухим щелчком.

Света выглядела безупречно, даже здесь, на задворках, среди одуванчиков и ржавого железа. Узкие джинсы, кожаная куртка, волосы собраны в высокий хвост, обнажая длинную шею. Алые губы растянулись в улыбке — той самой, с которой она подмигнула мне на дискотеке. Только теперь эта улыбка была шире. И страшнее.

Она была не одна.

За её спиной — одна за другой, как тени — появились шесть девушек. Я узнала некоторых: Алина и Даша из параллельной группы, вечно неразлучная парочка, которая хихикала надо мной в туалете. Рослая Женя из волейбольной команды — широкоплечая, коротко стриженная. Маленькая, остроноса Кира, которую все называли Крысой, но только за глаза. И ещё двое — лица знакомые, имён я не помнила.

Семеро. Против одной.

Они полукругом встали передо мной, перекрыв единственный путь отхода. За спиной — стена. Справа — забор.

Слева — ржавая дверь, запертая на замок.

Ловушка.

Это слово вспыхнуло в голове так ярко, что на мгновение ослепило. Ловушка. «Не ходи», — шептал голос Влада. «Не ходи». Не послушала. Опять не послушала.

— Пришла, — констатировала Света, склонив голову набок, словно рассматривала интересное насекомое. — Я почти поспорила с девочками, что не придёшь. Думала, хотя бы минимальный инстинкт самосохранения у тебя есть.

Голос её был спокойным, почти ленивым. Так разговаривают с тем, кого совсем не боятся.

Я сглотнула. Горло пересохло. Слова, которые я хотела произнести — «Где Коля?» — застряли на языке, потому что ответ был очевиден. Коля не придёт. Колю здесь никогда не ждали.

— Это... ты написала? — выдавила я. Голос прозвучал жалко. Тонкий, срывающийся. Голос серой мышки, загнанной в угол.

— Не я, — Света достала из кармана куртки телефон и лениво покрутила его в пальцах. — Матвей. Но текст мой. Правда, хорошо получилось? Ты ведь поверила с первого слова.

Алина за её спиной хихикнула. Кира скрестила руки на груди. Женя переминалась с ноги на ногу, хрустя костяшками пальцев.

Я поверила. Конечно, я поверила. Потому что я — глу-

пая, наивная дура, которая верит в то, во что хочет верить. Потому что я так отчаянно хотела, чтобы Коля оказался хорошим, что готова была не замечать очевидное. Даже после всего, что он сделал. Даже после дискотеки. Даже после записки. Я всё ещё цеплялась за призрак надежды.

— Что тебе нужно? — спросила я, и на этот раз голос прозвучал ровнее. Может быть, потому что внутри что-то уже отключилось — тот предохранитель, который спасает от перегрузки. Страх был, но он отступил, уступив место странному, ватному оцепенению. Как в кабинете стоматолога, когда укол анестезии уже подействовал, а бормашина ещё не включилась.

Света подошла ближе. На шаг. На два. Я чувствовала запах её духов — что-то сладкое, тяжёлое, дорогое. Она была чуть выше меня, и ей приходилось лишь слегка наклонять голову, чтобы смотреть мне прямо в глаза.

— Нужно, чтобы ты кое-что усвоила, Лизонька, — произнесла она, и уменьшительное имя в её устах прозвучало как ругательство. — Простыми и понятными словами, раз ты по-другому не понимаешь. Ты. Больше. Никогда. Не подходишь. К Николаю.

Каждое слово — как гвоздь, вбиваемый в крышку гроба.

— Не смотришь на него. Не разговариваешь. Не пишешь ему свои убогие записочки. Не делаешь за него курсовые. Не дышишь в его сторону. Вообще забываешь, что он существует. Ясно?

Я молчала. Не потому что было нечего сказать — слова кипели внутри, горячие и бессильные. Но горло сжалось, и я понимала: что бы я ни произнесла — это ничего не изменит.

— Я спросила — ясно? — повторила Света, и её голос стал жёстче. Улыбка исчезла. Алые губы сжались в тонкую линию.

— Я и так с ним не разговариваю и не пишу, — услышала я свой голос, далёкий и чужой, словно говорил кто-то другой. — Мы в одной группе, я не могу с ним не вид...

Пощёчина.

Она прилетела так быстро, что я не успела увидеть движение — только почувствовала: короткая, злая вспышка боли в левой щеке, голова мотнулась вправо, в ухе зазвенело. Мир дёрнулся и на мгновение расплылся.

Я схватилась за щёку. Кожа горела. В глазах стояли слёзы — не от боли, от шока. Меня ещё никогда не били по лицу.

— Можешь, — спокойно произнесла Света, опуская руку. — Ещё как можешь. Ты удивишься, на что способна, когда хорошо мотивирована.

— Свет, она, по-моему, не поняла, — подала голос Кира из-за её плеча. Голос тонкий, ехидный, как скрежет ножа по тарелке. — Может, объяснить доступнее?

— Может, и стоит, — Света отступила на шаг и посмотрела на меня оценивающе. Как мой отец. Как Матвей. Тот же взгляд — сверху вниз, с холодным расчётом.

А потом кивнула.

Что произошло дальше, я помню рвано, кусками, словно плёнку порезали ножницами и склеили в случайном порядке.

Первый удар — в живот. Кулаком, коротко и зло. Я согнулась пополам, и воздух вышибло из лёгких, как из проколотого мяча. Не успела вдохнуть — следующий, в спину, между лопаток. Я упала на колени. Асфальт ободрал кожу сквозь тонкие колготки.

— Ну что, поняла теперь? — чей-то голос, не разобрала чей.

Я пыталась встать — колени дрожали, руки скользили по асфальту. Поднялась на четвереньки — и тут же получила пинок в бедро, опрокинувший меня на бок.

— Не вставай, — голос Светы, откуда-то сверху. — Тебе идёт на коленях. Привыкай.

Удары посыпались со всех сторон — бессистемные, злые, жадные. Били ногами — по бёдрам, по рёбрам, по рукам, которыми я закрывала голову. Били не профессионально, не как бьют в фильмах — неловко, суетливо, толкаясь друг в друга. Но от этого было не менее больно. Каждый удар вспыхивал алым пятном боли, и эти пятна сливались, пока всё тело не превратилось в одну сплошную пульсирующую рану.

Я не кричала. Не звала на помощь. Кого звать? Здесь никого нет. Я сама пришла сюда, добровольно, как овца на бойню, потому что поверила в четыре строчки на экране допотопного телефона.

Я свернулась в позу эмбриона — колени к груди, руки на голове, лицом в пыльный асфальт. Земля пахла сухой травой, нагретым камнем и чем-то кислым — разлитым давным-давно бензином или машинным маслом. Этот запах впечатался в память навсегда.

Удары прекратились. Я слышала тяжёлое дыхание — семь пар лёгких, разгорячённых и возбуждённых. Потом — шаги. Кто-то отошёл. Кто-то вернулся. Звук — тяжёлый, жестяной, жидкий, хлюпающий.

— Поднимите её, — голос Светы.

Чьи-то руки — грубые, цепкие — схватили меня за плечи и рывком поставили на колени. Я не сопротивлялась. Не могла. Тело отказывалось подчиняться — каждая мышца кричала от боли, каждый вдох отзывался огнём в рёбрах.

Я подняла глаза — распухшие, залитые слезами — и увидела Свету. Она стояла передо мной, держа в руках ведро. Старое, оцинкованное, с мятыми боками. Из ведра свисало что-то бурое, склизкое, и от него шёл запах — густой, тошнотворный, от которого желудок мгновенно скрутился в узел.

Помои. Кухонные отходы — гнилые овощи, протухшие объедки, скользкая коричневая жижа. Где она это взяла? Приготовила заранее?

Конечно, приготовила. Она всё спланировала. От SMS до ведра.

— Я хочу, чтобы ты запомнила этот момент, — произнесла Света, и в её голосе не было ни злости, ни ярости. Толь-

ко холодное, деловитое удовлетворение. — Запомнила, как стоишь на коленях, в грязи, на задворках, куда даже бездомные собаки не забредают. Запомнила, кто ты есть на самом деле.

Она подняла ведро.

— Мусор.

И перевернула.

Жижа обрушилась на меня — тёплая, вязкая, отвратительная. Она залила волосы, потекла по лицу, по шее, за ворот платья. Что-то мягкое и склизкое шлёпнулось на плечо — я не стала смотреть что. Гнилостный запах ударил в ноздри так, что я закашлялась, давясь и рвотными позывами, и рыданиями, которые рвались наружу, но я не позволяла им вырваться. Не перед ней. Не перед ними.

Я зажмурилась. Жижa стекала по сомкнутым векам, по щекам, капала с подбородка. Я чувствовала каждую каплю — как она ползёт по коже, оставляя за собой липкий, вонючий след. Платье промокло насквозь. Чёрное платье для фортепианных концертов. Последняя вещь, в которой я чувствовала себя хоть чуточку красивой.

Кто-то засмеялся. Потом другая. Потом — щелчок. И ещё один. Вспышка. Телефонная камера.

Они фотографировали.

— На память, — сказала Кира, и в её голосе звенело ликование. — Вдруг забудешь.

— Если ещё хоть раз, — Света наклонилась ко мне, и я

почувствовала запах её духов сквозь вонь помоев. Сладкое на тошнотворном. — Если хоть один раз ты посмотришь на Колю. Заговоришь с ним. Окажешься рядом с ним. Я выложу эти фото в сеть. И тебе конец. Не «дискотека-часть-два», не записочка на весь универ. Конец. Навсегда. Ты поняла?

Я не ответила. Стояла на коленях, залитая помоями, с закрытыми глазами, и молчала. Даже не кивнула. Тело перестало мне подчиняться. Душа — тоже.

— Я спросила — ты поняла? — Света схватила меня за подбородок, впиваясь ногтями в кожу, и рывком подняла моё лицо к своему. Я открыла глаза. Сквозь пелену слёз и грязи увидела её лицо — красивое, жестокое, абсолютно спокойное.

— Да, — прохрипела я.

Она разжала пальцы. Вытерла руку о свои джинсы — брезгливо, двумя пальцами, словно коснулась чего-то мерзкого.

— Умница. Вот видишь — можешь, когда захочешь.

Она развернулась и пошла. Каблуки застучали по асфальту — чётко, ровно, как метроном. Свита потянулась за ней. Одна за другой, как тени за хозяйкой. Кто-то напоследок пнул пустое ведро — оно с грохотом покатилося по асфальту и замерло у стены.

Шаги удалялись. Голоса становились тише. Потом — тишина.

Глава 6

Не знаю, сколько я так просидела. Может, пять минут. Может, час. Время перестало существовать — осталась только боль, запах и темнота. Майская ночь сомкнулась вокруг меня, как ладони, и в этой темноте я была абсолютно, бесконечно одинока.

Я попыталась встать. Ноги не держали — я упала, ободрала ладони. Попробовала снова. Оперлась о стену. Кирпич был шершавым и холодным под пальцами. Встала. Покачнулась. Удержалась.

Тело было чужим. Болело всё — рёбра, спина, бёдра, руки. Левая скула пульсировала — там, где Света ударила первой. На голове что-то налипло, в волосах что-то застряло. Я не стала трогать. Не хотела знать.

Платье было безнадёжно испорчено. Липкая жижа пропитала ткань, и при каждом движении платье чавкало и прилипало к телу. Колготки порвались на обоих коленях, и сквозь дыры виднелась содранная, кровоточащая кожа.

Я сделала шаг. Другой. Ноги подкашивались, но я шла. Держась за стену, потом за забор, потом — когда забор кончился — на чистом упрямстве, которое откуда-то взялось в этом избитом, униженном теле.

На территории спорткомплекса уже никого не было. Фо-

нари горели ровным жёлтым светом, освещая пустые дорожки. Я шла по ним, оставляя за собой тёмные, влажные следы на асфальте — как раненое животное, уходящее от охотников.

Мимо спортзала, мимо главного корпуса, мимо парковки, где стояли одинокие машины преподавателей-полуночников. Никто не видел. Никто не окликнул. Университет спал, и ему не было до меня никакого дела.

На остановке я села на скамейку — прямо в своём чавкающем, вонючем платье — и уставилась перед собой пустым взглядом. Фонарь над головой гудел и подмигивал, привлекая мошкар. Автобус должен был прийти через двадцать минут — если расписание не врало. Последний рейс. Если он не придёт — идти пешком. Час сорок. В темноте. Через весь город.

Мне было всё равно.

Рядом на скамейке лежала забытая кем-то газета. Я машинально взяла её, расправила — и положила себе на колени, прикрывая порванные колготки и содранную кожу. Не от стыда. Просто чтобы не видеть.

Автобус пришёл. Почти пустой — только пожилой мужчина в конце салона и женщина с пакетами у средней двери. Водитель покосился на меня, когда я поднималась по ступенькам, — на мои грязные волосы, на пятна на платье, на разбитые колени. Открыл рот, будто хотел что-то спросить. Потом закрыл. Пикнул валидатор. Двери сомкнулись.

Я села на заднее сиденье, у окна. Прислонилась лбом к стеклу — холодному, вибрирующему. За окном потёк ночной город — огни, витрины, светофоры, силуэты прохожих. Обычный майский вечер. Люди возвращались из ресторанов, выгуливали собак, целовались на мостах. Мир продолжал жить. Мир вообще не заметил, что произошло.

Женщина с пакетами, проходя к выходу, остановилась рядом. Принюхалась. Поморщилась. Отодвинулась. Ничего не сказала. Вышла на следующей остановке.

Я смотрела на своё отражение в тёмном стекле. Размытый силуэт — бледное пятно лица, тёмные провалы глаз, слипшиеся волосы. Призрак. Не человек — тень человека. Та самая тень, в которую мой отец превратил маму. Теперь и я стала такой.

Домой я вошла через заднюю дверь. Разулась на крыльце — туфли были мокрые, покрытые грязью и чем-то бурым. Прислушалась. В доме стояла тишина — только тикали часы в гостиной и гудел холодильник на кухне. Родители спали. Или отец ещё не вернулся с делового ужина. В любом случае — путь был свободен.

Я поднялась по лестнице, стараясь не скрипеть ступеньками. Каждый шаг отдавался болью в рёбрах — тупой, ноющей, как будто внутри что-то сместилось. Дошла до ванной. Закрылась. Включила свет.

И увидела себя.

Зеркало над раковиной показало мне существо, которое

я не узнала. Лицо — опухшее, в разводах грязи и засохших слёз. Левая скула — багровая, с наливающимся синяком. На подбородке — четыре маленьких полумесяца от ногтей Светы, уже покрывшиеся тёмной коркой. Волосы — слипшиеся, бурые от помоев, с застрявшими в прядях ошмётками чего-то, на что я не хотела смотреть. Платье — мокрое, грязное, растянутое — висело на теле, как мешок. На шее и ключицах — красные пятна, которые к утру станут синяками.

Я медленно, морщась от боли, стянула платье через голову. Скомкала его и засунула в мусорное ведро. Не в корзину для стирки — в ведро. Под крышку. Носить его больше я не смогу. Даже видеть.

Под платьем тело выглядело ещё хуже. Тёмные отметины на рёбрах — три или четыре, расплывающиеся, как чернильные кляксы на промокашке. Ссадина на бедре — длинная, с рваными краями, покрытая засохшей кровью. Колени — стёртые до живого мяса, в мелких камешках и пыли.

Я включила душ. Вода хлынула — сначала холодная, потом тёплая, потом горячая. Я встала под струю и стояла — долго, бесконечно долго, — пока горячая вода не кончилась. Смывала грязь, кровь, помои, запах, память. Тёрла кожу мочалкой — яростно, до красноты, до жжения. Тёрла, словно можно было содрать с себя этот вечер вместе с кожей. Но он не сдирался. Он въелся — глубоко, навсегда, как чернила в пальцы.

Потом сидела на дне ванны, обхватив колени, под осты-

вающей водой, и смотрела, как мутная, бурая жижа закручивается в воронку у слива. Уходит. Исчезает. Если бы так можно было с воспоминаниями.

Натянула ночную рубашку — длинную, до пят, с длинными рукавами. Впервые в жизни я была ей благодарна. Она скрывала всё — синяки, ссадины, содранные колени. Если мама увидит утром, то ничего не заметит. А если и заметит — промолчит. Как всегда.

Я легла в кровать. Натянула одеяло до подбородка. Часы на стене показывали начало двенадцатого.

Тишина. Темнота. Боль.

Я лежала и думала. Нет — не думала. Думать — значит выстраивать мысли в логическую цепочку, делать выводы, принимать решения. Я не думала. Я тонула. Медленно, неотвратно погружалась на дно — туда, где не было ни Коли, ни Светы, ни отца, ни записок, ни помоев. Туда, где не было ничего.

В голове крутились обрывки — бессвязные, острые, как осколки стекла:

«Ты самая лучшая».

«Ты кем себя возомнила?»

«Убогие тоже хотят внимания».

«Мусор».

«Ты должна быть истинной леди».

«Мусор».

«Больше никогда».

«Мусор».

Пять букв. Одно слово — и оно описывало всю мою жизнь. Мусор. То, что выбрасывают. То, от чего избавляются. То, что никому не нужно.

Я думала о маме — тени в гостиной, закутанной в плед. О бабушке — в психиатрической лечебнице, которую мне запрещено навещать. О себе — на дне ванны, под остывающей водой, с синяками на теле. Три поколения женщин. Три поколения теней.

Слёзы не шли. Впервые за все эти недели — не шли. Высохли. Закончились. Может, у человека есть определённый запас слёз, и когда он расходуется — всё, пустота. А может, я просто перестала чувствовать. Онемела, как рука, на которую слишком долго давили.

Телефон на тумбочке пискнул. SMS.

Я не хотела смотреть. Не хотела брать его в руки. Не хотела читать ни одного слова — ничего, никогда. Но рука — по привычке, на автомате — потянулась к аппарату.

Влад.

«Ты как? Не видел тебя сегодня после пар.»

Простое сообщение. Обычное. Ничего не значащее.

Я смотрела на экран — на крошечные буквы, расплывающиеся перед глазами. Два слова: «Ты как?» Самый простой вопрос в мире. Как ответить? «Нормально»? «Хорошо»? «Меня только что избили и облили помоями за конюшнями, а в остальном — прекрасный вечер»?

Пальцы набрали три буквы.

«Меня избили»

Нет. Стёрла.

«Мне очень плохо»

Стёрла.

«Меня облили помоями»

Стёрла. Уронила телефон на одеяло. Зажмурилась. Прижала подушку к лицу и закричала в неё — беззвучно, одним горлом, без единого звука. Так кричат, когда стены тонкие, а боль — огромная.

Потом подняла телефон. Набрала:

«Всё хорошо. Спокойной ночи.»

Отправила. Положила телефон экраном вниз. Закрыла глаза.

Через минуту — ответ. Я не стала читать. Я знала, что он написал. Что-то короткое. Что-то тёплое. Что-то, от чего в другой ситуации мне стало бы чуть легче.

Той ночью сон не шёл долго.

Я лежала в темноте, прислушиваясь к тишине дома. Тикали часы в коридоре — мерно, равнодушно, отсчитывая секунды, которые никуда не вели. За окном шумел ветер, раскачивая старую берёзу, и её тень металась по потолку, как чьи-то беспокойные руки. Тело болело — тупо, ровно, при каждом вдохе напоминая о себе. Синяки пульсировали в темноте, словно у каждого был собственный маленький пульс.

Я переворачивалась с боку на бок, но любое положение причиняло боль. На правом боку — давило на ушибленные рёбра. На левом — саднила ссадина на бедре. На спине — ныли лопатки, куда пришёлся один из первых ударов. Я лежала на спине и смотрела в потолок, на лунную дорожку, которая медленно ползла от окна к двери, и считала вдохи. Один. Два. Три. Четыре...

Где-то между сотым и двухсотым вдохом мысли стали путаться. Потолок поплыл. Тени на стенах удлинились, потеряли очертания. Тиканье часов замедлилось, растянулось, превратилось в далёкий, утробный гул — словно где-то, за стенами, за пределами комнаты, за границей яви, билось огромное, древнее сердце.

И я провалилась.

Ветер.

Это первое, что я почувствовала — ветер. Не ласковый, не тёплый — сильный, рвущий, холодный. Он бил в лицо, трепал волосы, забирался под одежду. Я стояла на краю.

Глава 7

Обрыв открывался подо мной — бездонный, головокружительный. Скала уходила вниз отвесной стеной из чёрного, мокрого камня, и где-то далеко внизу — так далеко, что глаз едва различал — клубился туман. Не белый — серый, плотный, живой, словно дышащий. Он двигался, перекачивался волнами, и из его глубин не доносилось ни звука. Ни плеска воды, ни шума деревьев. Ничего. Только ветер наверху — и тишина внизу.

Я знала это место.

Не знала — откуда. Не могла вспомнить, когда увидела его впервые. Но знала: я стояла здесь раньше. Много раз. В других снах — таких же ярких, таких же пронзительно-реальных. Стояла на этом самом краю, чувствовала этот самый ветер, смотрела в эту самую бездну.

И каждый раз — отступала.

Рядом стоял он.

Я повернула голову — медленно, словно боясь спугнуть — и увидела фигуру слева от себя. Высокую, тонкую, затянутую в чёрную мантию с глубоким капюшоном, скрывающим лицо. Мантия была из странной ткани — не шёлк, не шерсть, — что-то живое, текучее, как сгустившаяся тень. Её края колыхались на ветру, но не так, как колышется ткань.

Иначе. Словно мантия была частью ветра. Или ветер — частью мантии.

Его рука — бледная, с длинными пальцами — держала мою. Крепко, уверенно. Не так, как держал Коля — вцепившись, словно в раскалённое железо. Не так, как Влад — осторожно, боясь причинить боль. Просто — держал. Как держат то, что принадлежит тебе по праву. Как держат самого себя.

— Прыгай, — сказал он.

Голос шёл словно отовсюду — из-под капюшона, из ветра, из камня под ногами, из тумана внизу. Низкий, глубокий, с хрипотцой. Знакомый. Мучительно знакомый, хотя я не могла вспомнить, где слышала его прежде.

— Прыгай, — повторил он. — Пора.

Раньше — в тех других снах, в тех десятках ночей, когда я оказывалась на этом краю — я отступала. Делала шаг назад. Вырывала руку. Просыпалась в поту, с бешено колотящимся сердцем, и долго лежала в темноте, не понимая, чего испугалась. Ведь он никогда не толкал. Никогда не тянул. Только предлагал. Только ждал.

Но сегодня я посмотрела вниз — в этот серый, клубящийся туман, в эту бездну без дна — и не почувствовала страха. Что там, внизу? Камни? Вода? Пустота?

Неважно.

Потому что здесь, наверху, — ничего. Пустая скала. Холодный ветер. И бесконечный край, на котором можно стоять вечно, не решаясь ни прыгнуть, ни уйти.

Я устала стоять на краю.

— Я упаду, — сказала я. Не ему — себе. Констатировала факт, как констатируют: «Идёт дождь» или «Сейчас ночь».

— Нет, — ответил он. И в его голосе — впервые за все эти сны — я слышала тепло. — Ты не упадёшь. Ты полетишь.

Я посмотрела на его руку, сжимающую мою. Бледные длинные пальцы. На безымянном — тонкий шрам, едва заметный. Откуда я знаю про этот шрам? Откуда мне знакома каждая линия этой ладони?

Потому что это моя ладонь. Моя рука. Мой шрам — тот самый, от скрипичной струны, которая лопнула, когда мне было двенадцать. Отец заставил меня осваивать еще и скрипку. Из этой затеи ничего не вышло, кроме шрама.

Я сжала его руку крепче. Пальцы переплелись — его и мои, и невозможно было понять, где заканчивается одна рука и начинается другая.

— Вместе? — спросила я.

— Вместе, — подтвердил он.

Я закрыла глаза. Ветер ревел в ушах. Сердце — стучало? Нет. Во сне сердце не стучит. Во сне ты просто — есть.

И я шагнула.

Не прыгнула — шагнула. Спокойно, как шагают с порога дома. Как переступают через линию на полу. Как делают первый шаг на незнакомую дорогу.

Нога не нашла опоры — и тело полетело вниз.

Воздух обрушился — плотный, ревущий, ледяной. Ман-

тия незнакомца вздулась над нами чёрным парусом. Туман рванулся навстречу — серый, густой, как молоко. Я ждала удара. Ждала боли. Ждала конца.

Но удара не было.

Туман принял нас — мягко, как вода принимает камень. Обволок, укутал, поглотил. Я не видела ничего — только серое, светлое, невесомое. Не чувствовала падения — только полёт. Невесомость. Свободу.

А потом серое стало золотым.

Свет.

Тёплый, медовый, густой — он лился сквозь кроны деревьев, распадаясь на тысячи солнечных зайчиков. Они плясали на траве, на стволах, на моих руках, на моём лице. Я стояла — босиком, на мягкой, влажной земле, в лесу.

Нет. Не в лесу. В Лесу.

Такого леса не бывает наяву. Деревья — огромные, древние, с корнями толщиной в обхват — уходили вверх, в бесконечность, и их кроны терялись где-то в золотистой дымке, не различимые, как облака. Стволы были покрыты мхом — мягким, изумрудным, источающим запах дождя и земли. Между корнями журчали ручейки — тонкие, прозрачные, с серебристым блеском, и их тихий голос сплетался с пением птиц в единую, бесконечную мелодию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.